

Алексей Романчук
(Кишинев, Республика Молдова)

БУЛАЕШТСКИЙ ГОВОР И ЕГО ВОЛЫНСКИЕ И ЗАПАДНОПОЛЕССКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Романчук О. Булаештська говірка і її волинські та західнополіські паралелі: попередні зауваження У статті проаналізовані волинсько-західнополіські паралелі української говірки села Булаешти (Орхейський район, республіка Молдова). Незважаючи на територіальну віддаленість, навіть попереднє зіставлення дозволило виявити ряд цікавих лексичних аналогій. Одним із найцікавіших спостережень є те, що найбільша доля аналогій булаештській говірці виявлено саме в говірці села Сильно Ківерцівського району Волинської області. Отримані результати, на думку автора, свідчать про те, що подальші дослідження волинсько-західнополіських паралелей булаештської говірки будуть досить продуктивні.

Ключові слова: говірка, волинсько-західнополіські паралелі, територіальна віддаленість.

Романчук А. Булаештский говор и его волынские и западнополесские параллели: предварительные замечания В статье рассматриваются волынско-западнополесские параллели украинского говора села Булаешты (Орхейский район, Республика Молдова). Несмотря на территориальную удаленность, даже предварительно сопоставление позволило обнаружить ряд интересных лексических аналогий. Одним из значимых наблюдений является и то, что основная доля аналогий булаештскому говору обнаруживается именно в говоре села Сильное Киверцевского района Волынской области. Полученные результаты, на взгляд автора, свидетельствуют о том, что дальнейшие исследования волынско-западнополесских параллелей булаештского говора будут весьма продуктивны.

Ключевые слова: говор, волынско-западнополесские параллели, территориальная удаленность.

Aleksey A. Romanchuk. Bulaesty Ukrainian Dialect and Its Lexical Similarities within Volhynia-West Polesye Region: Some Preliminary Observations. The author makes lexical comparisons of Bulaesty Ukrainian dialect (Orhei District, Republic of Moldova) and the ones from Volhynia-West Polesye region. Despite a big territorial distance, some interesting similarities between Bulaesty and Volhynia-West Polesye dialects were found. A large share of these similarities come from Sylnoe village (Kivertsy district, Volhynia region). Thus, further inquiries into this issue seem to be very promising.

Key words: patois, Volhynia-West Polesye parallels, territorial remoteness

Украинское село Булаешты (*Булаештэ*)¹ расположено вблизи реки Днестр в Орхейском районе Республики Молдова, в зоне т. н. Орхейских Кодр – некогда значительного лесного массива, от которого ныне остались лишь отдельные островки. Начиная с 2005 года, исследовательским центром "Fun Anthropology" ведется планомерное изучение этнографии и говора жителей Булаешт. Результаты

этих исследований отражены в ряде публикаций, в том числе в вышедшей недавно монографии [14].

Цель работы заключается в том, чтобы в первом приближении представить ту часть лексики булаештского говора, которая обнаруживает аналогии на Волыни и в Западном Полесье. При этом я намереваюсь, прежде всего, ввести в научный оборот новые и преимущественно неопубликованные материалы, по возможности не повторяя сказанное ранее.

Итак, волынские и западнopolесские параллели булаештского говора. Уже территориальная удаленность Булаешт от Волыни и Западного Полесья делает рассмотрение этих параллелей весьма интересной задачей. Однако территориальная удаленность является не единственным интригующим фактором.

Как ранее удалось установить, по своей лексике булаештский говор ближе всего к буковинским. При этом в пределах Буковины основная масса лексических сближений булаештского говора и буковинских происходит из Кицманского, Заставновского и Глибокского районов Черновецкой области.

Однако обращает на себя внимание как тот факт, что с говором каждого из вышеупомянутых трех районов булаештский говор обнаруживает и специфические, характерные лишь для одного этого района сближения, так и то, что такие, специфические параллели булаештского говора мы наблюдаем и с другими районами Буковины. Причем наибольший интерес здесь вызывают параллели с говорами Вижницкого и Сторожинецкого районов.

В фонетике в пользу родства булаештского говора и буковинских свидетельствует, прежде всего, такое характерное явление как переход звуков *д*, *т* соответственно в *г* (по традиционной транскрипции: *г*), *к*. Оно очень четко и последовательно наблюдается в булаештском говоре. Но при этом, по степени выраженности и распространенности этого явления булаештский говор ближе даже не к буковинским, а к гуцульским говорам. Так, значительная часть Буковины (и в значительной мере и Кицманский и Заставновский районы) произносит *т'агне* [6, карта 81] – при булаештском *кягнэ* – "тянет". И *з'ам'* [6, карта 79] – при булаештском *зякь* – "зять".

А та часть Буковины (Глибокский район), которая все же смягчает *т* в достаточной мере, при этом трансформирует фонему *а* в *е* (как и гуцулы), чего в булаештском говоре не наблюдается.

Аналогично обстоят дела и со смягчением фонемы *д*. Восточная и центральная части Буковины (и в том числе опять-таки Кицманы и Заставна) произносит *с'ад'* [6, карта 115] – при булаештском *сягь* – "сядь". А та часть (в том числе и Глибокский район), которая все же смягчает *д* до *г*, тоже трансформирует фонему *а* в *е*. Как, опять-таки, и гуцулы.

Большое внимание привлекает и такая фонетическая черта булаештского говора, как переход фонемы *и* в *е* ("эканье"; для передачи украинского *е* мной используются значки *э* – когда предыдущий согласный произносится твердо, и *е* – когда, соответственно, мягко). Оно проявляется в определенной мере и в буковинских говорах, но в значительно меньшей степени. Например, булаештское

клен – "клин", при буковинском *клин* [6, карта 19]. И ближе по этому показателю к булаештскому говору – опять-таки гуцульские.

Чтобы очертить ситуацию четче, укажу здесь некоторые из параметров, приводя лишь булаештский вариант произношения соответствующих слов. Например: *дэшэвэй, тэбэ, нэма* [6, карта 66]; *грэбэ, жэвэй, сэрэй* [6, карта 88]; *корэто, сэн, шэла, мэла* [6, карта 92]; *мэнулэй* [6, карта 91].

На всякий случай также добавлю, что вышеуказанные примеры перехода *и* в *е* в булаештском говоре не единичны, а отражают регулярную и характерную для этого говора модель. В булаештском говоре *э, е* на месте украинского *и* звучат даже в безударной позиции. Правда, как обратила мое внимание Е. С. Кожухарь, в безударной позиции возможна вариативность, когда в одном и том же слове звук *э* может ослабевать, приближаясь к звуку, среднему между украинскими *и* и *е*. Однако, происходит это лишь в предложениях, когда же слова произносятся по отдельности, звук *э* сохраняется. Впрочем, опубликованные данные [14, с. 107-140] дают об этом достаточно полное представление.

Помимо этого, следует указать и на такой индикатор, как булаештское *ўсьо* – "все" (значок *ў* используется мной для обозначения звука "у неслоговой", который чуть короче обычного *у*). Аналогичным образом это слово произносится в гуцульских говорах, для буковинских же отмечается всего несколько пунктов с подобным произношением: Шипинцы и Стрелецкий Кут в Кицманском районе, Пашковцы в Хотинском, и Каменка, Череповцы и Турятка в Глибокском [6, карта 31].

С гуцульскими говорами булаештский говор сближает и такая, не отмеченная нами ранее, фонетическая черта, как переход сочетания *бн* в *мн* [7, с. 9], о чем свидетельствует булаештское слов *дрімнэй* – "мелкий, маленький". Это также отличает булаештский говор от буковинских (в том числе и Кицман и Заставны: [15, с. 103]).

Но при этом, помимо сходных с булаештским говором фонетических черт, гуцульские говоры демонстрируют и серьезные фонетические отличия от последнего. И прежде всего это уже указанная выше трансформация фонемы *а* в *е* после мягких согласных - что полностью отсутствует в булаештском говоре. Не менее значительны и различия булаештского говора от гуцульских и в лексике.

То есть, обобщая все вышесказанное, булаештский говор по одним показателям ближе к буковинским, по другим же – к гуцульским. Что не позволяет поставить его в сыновнее положение по отношению к одному из них. И, видимо, как было предложено ранее [12; 13; 14, с. 55], такая картина свидетельствует, что пути булаештского говора, с одной стороны, и буковинских и гуцульских – с другой, разошлись не позднее конца XV века от Р. Х.

В этой связи, рассматривая вопрос о происхождении булаештского говора, в предыдущих работах мы уделили особое внимание феномену перехода фонемы *и* в *е*. Как следует из данных второго тома "Атласу української мови" (АУМ 2), эта характерная особенность булаештского говора, помимо гуцульских говоров, находит соответствия на Волини и в Западном Полесье. Используя параметры

АУМ, укажем здесь такие булаештские слова, как: *шэе* – "шьет", *прэчэна* – "причина, спор, ссора", *чэстэй* – "чистый", *жэтэ* – "жить" [5, карта 15]; *трэ* – "три"; *рэбоў* – "рыбой" [5, карта 16]; *бэк* – "бык"; *мэш* – "мышь"; *бэтэ* – "бить"; *вэтко* – "видно"; *мэ* – "мы"; *вэ* – "вы", *мэлей* – "милый" [5, карта 17]; *плугэ* – "плуги" [5, карта 21].

Интересно отметить, что по некоторым из этих параметров формируются достаточно четкие пространственные кластеры. Это, с одной стороны, Волынь и Западное Полесье (где все же не фиксируется сплошной массив, но отдельные острова). С другой – гуцулы (при отдельных проявлениях в ареале буковинских говоров) и украинские села северо-запада Республики Молдова. На последнее обстоятельство мое внимание обратила Е. С. Кожухарь, непосредственно и в течение длительного времени изучавшая эти говоры. Так, весьма характерен переход *и* в *е* для сел Тецканы и Беявинцы Бричанского, и особенно – Голяны Единецкого районов Республики Молдова [9, с. 97]; это имеет значение еще и потому, что Булаешты оказываются не единственным исключением, но частью более обширного явления на территории Молдовы.

Следует указать, впрочем, и то, что в некоторых отношениях переход фонемы *и* в *е* на Волыни выражен менее чем в украинских говорах Молдовы, и в особенности в Булаештах. Так, из параметров АУМ отмечу в этом отношении следующие булаештские слова: *лэд* – "лед", *лэду* – "льда" [5, карта 24], а также *якэй* – "какой" [5, карта 49].

Помимо трансформации *и* в *е*, к Волыни наше внимание притягивает и такое, тоже характерное для булаештского говора явление, как переход сочетания *вн* в *мн*: *рѣмнэй* – ровный, *дамно* – давно [5, карта 82]. Как следует из данных АУМ, наблюдается достаточно узкая полоса проявления этого феномена, которая тянется от Волыни к северу Молдовы и Буковине. При этом она строго располагается к востоку от Днестра, пересекая его лишь уже на территории Буковины. Интересно отметить также, что согласно данным сравнительно недавно изданного словаря буковинских говоров, слово *рѣмнэй* (и производные от него) фиксируется в Заставновском, Кицманском, Вижницком и Сторожинецком районах Черновицкой области [15, с. 457].

Рассмотрение времени и обстоятельств формирования пространственных кластеров по этим двум феноменам не входит в задачи данной работы (хотя, такая четкая кластеризация и представляет собой весьма любопытное явление). Однако само их наличие тоже показывает актуальность сопоставления булаештского говора и волыньско-западнополесских.

Впрочем, хотелось бы напомнить и то, что предыдущие изыскания показали наличие аналогий булаештскому говору и в восточной части Полесья [14, с. 62-63]. Не повторяя здесь все, хотел бы лишь напомнить, что среди них, во-первых, и булаештское слово *подорожнэк*, которое означает "горец птичий, спорыш" (*Poligonum aviculare* L.). Аналогичное значение оно имеет возле Чернигова, образуя достаточно обширный и компактный ареал, плюс оно зафиксировано в правобережном Полесье (семь пунктов) и на Случе (три пункта) [11, карта 57].

Во-вторых, булаештское слово *вешка* – "обод сита". Ранее аналогии ему, хотя и фонетически достаточно отличающиеся, мы обнаружили лишь возле Нежина, Прилук и Конотопа [4, карта 163]. Фиксируются аналогии ему и в словаре полесских говоров С. П. Лысенко [10, с. 43].

Наконец, к Полесью в целом привлекает наше внимание и вопрос о значении и происхождении такого важного топонима окрестностей Булаешт, как Волока (*Ўолока*) [14, с. 68-74].

Но еще интереснее то, что в процессе работы над этой статьей я обнаружил именно в Полесье аналогии крайне любопытному булаештскому слову *чэндруўатэ* – "колядовать в вечер на св. Василия"; соответственно: *Чэндрэй Вэчір* [14, с. 77-78, 140]. В селах Тетеревское и Варивск Иванковского района Киевской области (фактически, на самой границе с Житомирской) были зафиксированы слова *чедровать* – "щедровать", и *чедривка, чедрувка* – "щедровка" [10, с. 230].

Поэтому, можно полагать, что и рассмотрение булаештского говора в полесском контексте в целом также окажется весьма продуктивным. Но в этой работе я ограничусь волинско-западнополесским ареалом.

Прежде чем приступить, однако, к более детальному рассмотрению волинско-западнополесских параллелей булаештского говора, следует остановиться еще на одном важном моменте. А именно, на вопросе, почему в работе рассматриваются волинские и западнополесские аналогии булаештского говора в совокупности?

Необходимость этого диктуется двумя обстоятельствами. Во-первых, в качестве основного источника я использовал двухтомный словарь Г. Л. Аркушина, в котором собрана лексика не только собственно западнополесских говоров, но и говоров сел, расположенных на прилегающих к Полесью территориях Волыни. Во-вторых, в свою очередь, обоснованность такого действия при составлении данного словаря определялась, как отмечает сам Г. Л. Аркушин (цитируя Лесю Украинку: "... трудно дознаться, с какого села на Волыни начинается Полесье"), размытостью, нечеткостью диалектной границы между Волынью и собственно Волинским Полесьем. По некоторым изоглоссам она проходит севернее Киверцев, по некоторым же – южнее Горохова [3, с. 20].

Поэтому, на данном этапе я предпочел также рассмотреть волинско-западнополесские параллели булаештского говора совокупно.

Итак, что представляют собой эти параллели при более детальном рассмотрении?

Во-первых, бросается в глаза то, что таких аналогий, даже если использовать лишь уже опубликованные данные по булаештскому говору, достаточно много. Подсчитывать процентное соотношение на данном этапе нецелесообразно, однако сразу можно сказать, что количество этих параллелей при дальнейшем изучении вырастет еще значительно. Правда, судя по данным ЕСУМ, обнаруживающиеся аналогии в основном не являются специфически волинско-западнополесскими, а распространены гораздо шире. Но с другой стороны, Г. Л. Аркушин отмечает,

что в собранном им словаре представлена лексика, отсутствующая в современном украинском литературном языке [1, с. IX].

Второй, сразу бросающийся в глаза факт, – то, что львиная доля аналогий булаештскому говору приходится на село Сильное Киверцовского района Волынской области. Разумеется, при этом следует учитывать и разную степень изученности различных населенных пунктов. Село Сильное, как отмечает Г. Л. Аркушин, относится к числу наиболее изученных [1, с. IX]. Но, помимо села Сильное, также хорошо изучены и села Билин Ковельского района Волынской области, Пидманево Шацкого района Волынской области, и село Мокраны Малорытского района Брестской области Беларуси. Однако среди лексики, зафиксированной в этих селах, аналогии булаештскому говору, по крайней мере в результате предварительного анализа пока практически не обнаруживаются. Как немногочисленные исключения можно привести булаештское *крэжсі* – "поясница", *бітка* – "двухколесная тележка", и *ўсьой* – "весь", аналогии которым отмечаются в селе Пидманево [1, с. 254, 21, 78]. Поэтому, возможно такое распределение аналогий отражает определенную закономерность. Все еще раз хотел бы подчеркнуть, что прояснение ситуации в данном вопросе – дело будущего.

В остальном, распределение аналогий по прочим населенным пунктам не обнаруживает сколь-нибудь заметной разницы. Хотя в целом основная их часть тяготеет к Волынской области, но отмечаются таковые и в Ровенской области. Например, аналогии булаештскому *горшкарь* – "гончар", отмечаются в виде *горшкар* двух пунктах, один из которых расположен в Волынской области, другой же – в Ровенской [1, с. 104].

По поводу использования суффикса *-арь* для словообразования следует отметить, что в булаештском говоре есть и другие примеры подобного рода: *поштарь* – "почтальон", *свэнарь* – "свинарь", а также фамильное прозвище *Чоснокарь*.

Также именно в Ровенской области [1, с. 202] обнаруживается аналогия булаештскому фамильному прозвищу *Кабаніці* (они же – *Рошкобанэ*, или просто *Кабанчікі*).

К Ровенской области обращает наше внимание и булаештское *гіўка* – "девушка", *гіўчата* – "девушки" [1, с. 119]. Согласно данным АУМ [5, карта 89], переход *д* в *т* для Волыни и Западного Полесья не характерен, поэтому примеры проявления такого феномена в данном регионе весьма примечательны. К их числу можно отнести и отмеченную в нескольких пунктах Волынской области [1, с. 93]. аналогию булаештскому *гля* – "для".

Есть параллели булаештской лексики и в более северных и западных частях рассматриваемого словарем ареала, в том числе даже в районе Белостока в Польше. В частности, именно там, в селе Ставище гмины Черемха [1, с. 204], фиксируется одна очень любопытная аналогия булаештскому *кадуцэна* – "кадка, кадочка". И здесь важно отметить, что в булаештском говоре это вообще достаточно популярная и живая по сей день модель: *гіўчэна* – "девушка, девулечка", *гілэчэна* – "бочка, бочечка", *мэцэна* – "миска, мисочка", *подуцэна* – "подушка, подушечка",

сорочэна - "рубашка, рубашечка", *хлопчэна* – "парень, мальчик". Учитывая, что по размеру называемые так объекты (или субъекты) могут никак не отличаться от стандартных, следует полагать, что эта модель часто передает смысл скорее ласкательный, чем уменьшительный.

Таким образом, территориально эти аналогии, хоть и с разной частотой, охватывают практически весь рассматриваемый словарем Г. Л. Аркушина ареал.

Не имея здесь возможности рассмотреть все обнаруженные аналогии (со значительной частью из них, напомню, можно ознакомиться в опубликованных ранее работах), я хотел бы остановиться на нескольких, самых любопытных.

Во-первых, высокий интерес вызывает то, что в селе Сильном Киверцовского, а также в селе Видраница Ратневского районов Волынской области, мы находим аналогии булаештскому названию "дня святого Андрея" – *Андрэя*. В этих селах этот религиозный праздник называется *Гандрэя*, *Гандрыйа* [1, с. 85]. Это чрезвычайно любопытно еще и потому, что согласно [8, с. 72], в украинском языке в различных вариациях имя *Андрій* сохраняет звук *i* во втором слоге; форма *Андрэй* же характерна для белорусского языка.

Хочу напомнить, что ранее в связи с рассмотрением происхождения имени Булай, от которого, собственно, и образовано название Булаешт, мы обратили внимание на очень высокую популярность (в сравнении с другими частями восточнославянского мира) и фамилии Булай, и вообще антропонимической модели с использованием суффикса *-ай*, именно на территории Белоруссии [14, с. 74-85]. Следует только подчеркнуть, что наши наблюдения по этому поводу нуждаются в дальнейшем уточнении, поскольку не для всех интересующих нас зон мы располагали равнозначными источниками.

Однако, что примечательно, именно в ареале волынского-западнополесских говоров фиксируется и сегодня функционирование живой и достаточно популярной словообразовательной модели с использованием суффикса *-ай*. Приведу более или менее полный список таких слов, зафиксированных в словаре Г. Л. Аркушина:

Більмай, бецай, глухмай, глушмай, гончай, гострай, губай, гулубай, галапай, карачай, каркай, клишондрай, колодай, корочай, кудлай, кулай, латай, лахмай, лисай, литай, льокай, маглай, мамлай, моложай, моркотай, оратай, патлай, торбай, харашай, хвоцай, хлупай, шахратай, шолудай, шульгай.

Для иллюстрации укажу здесь и перевод нескольких из них: *карачай* – "невысокий кривоногий человек"; *кудлай* – "с длинными нечесаными волосами"; *шульгай* – "левша".

Насколько я могу судить, ни для одного другого украинского диалекта подобная ситуация нехарактерна. Поэтому, можно надеяться, что поиски именно в этом регионе позволят прояснить и ситуацию с происхождением эпонима Булаешт.

Следующий момент, на котором я хотел бы остановиться, касается засвидетельствованного в селе Столенские Смоляры Любомльского района Волынской области слова *бланка* – "часть приклада под стволом ружья" [1, с. 22]. В булаештском говоре *бланка* - "планка, тонкая узкая дощечка".

Замечу в скобках, что помимо всего прочего, слово *бланка* иллюстрирует проявляющуюся в булаештском говоре в некоторых случаях тенденцию к отвердению звука *n* (*Прокоб* – "Прокоп", *Якуб*, *Якоб* – "Яков", *прособ* – "ритуальное длинное полотенце"; здесь же хотел бы указать и на булаештское имя *Бладімір* – "Владимир").

Третий вопрос, привлекающий внимание, относится к слову *бочкаї* – "очень большие бочки", отмеченному в том же селе Сильное Киверцевского района [1, с. 30]. В булаештском говоре, помимо наличия прямой аналогии (*бочкоя* – "здоровенная бочка"), эта модель вообще достаточно популярна: *таку каруцюю наклаў!* – "нагрузил такой воз!".

Наконец, последний момент. В селе Зализница Любешивского района той же Волынской области отмечено такой вариант названия крыжовника, как *ягруст* [2, с. 285]. Среди фиксируемых в украинских диалектах вариаций этого слова [8, с. 47], пожалуй, именно эта западнopolеская форма ближе всего к булаештскому *ягустэ* – "крыжовник".

Таковы некоторые, наиболее очевидные параллели булаештского говора и волынского-западнopolесских. Остановившись на этом, я хотел бы только в заключение отметить, что уже данный, предварительный этап составления булаештского говора с волынского-западнopolесскими, как мне кажется, вполне убеждает в продуктивности дальнейшей работы в этом направлении.

Литература

1. Аркушин Г. Л. Словник західнополіських говірок : у двох томах / Г. Л. Аркушин. – Луцьк : Вежа, 2000. – Т. 1 : А–Н.
2. Аркушин Г. Л. Словник західнополіських говірок. : у двох томах / Г. Л. Аркушин. – Луцьк : Вежа, 2000. – Т. 2 : О–Я.
3. Аркушин Г. Л. Межі західнополіського діалекту / *Волинь філологічна : текст і контекст* / ред. Г. Л. Аркушин. – Луцьк : Вежа, 2007. – Вип. 4. – С. 9–32.
4. *Атлас української мови* / ред. І. Г. Матвіяс. – К. : Наук. думка, 1984. – Т. 1.
5. *Атлас української мови* / ред. Д. Г. Бандрівський, Л. М. Григорчук, Ф. Т. Жилко. – К. : Наук. думка, 1988. – Т. 2.
6. Герман К. Ф. *Атлас українських говірок Північної Буковини. Фонетика, фонологія* / К. Ф. Герман. – Чернівці : Час, 1995.
7. *Гуцульські говірки. Короткий словник* / відп. ред. Я. Закревська. – Л. : Ін-т українознавства, 1997.
8. *Етимологічний словник української мови.* / гол. ред. О. С. Мельничук. – К : Наук. думка, 1982. – Т. 1 : А–Г.
9. Кожухар К. С. Українські говірки в Республіці Молдова (загальна характеристика фонетичної системи). *Українці Молдови. Історія і сучасність* / укл. В. Г. Кожухар, К. С. Кожухар. – Chişinău : Elan-Poligraf. – С. 89–108.
10. Лисенко П. С. *Словник поліських говорів* / П. С. Лисенко. – К. : Наук. думка, 1974.
11. Никончук М. В. *Лексичний атлас правобережного Полісся* / М. В. Никончук. – Київ; Житомир : Державна картографічна фабрика, 1994.
12. Романчук А. А. Языковые данные к истории некоторых групп украинского

населения Орхейских Кодр 2(8): 64-79.

13. Романчук А. А. Южнославянские влияния в украинском диалекте с. Булаешты (зона Орхейских Кодр) и проблема их интерпретации / А. А. Романчук. – *Stratum plus*, 2005–2009, 5: 680–688.

14. Романчук А. А., Тащи И. Н. *Ранняя история украинского села Булаешты в контексте истории Молдовы (XIV- начало XVII вв. от Р. Х.)*. / А. А. Романчук, И. Н. Тащи. – Кишинев : Stratum Plus, 2010.

15. Словник буковинських говірок / ред. Н. В. Гуйванюк, К. М. Лук'янюк. – Чернівці : РРута, 2005.Рута.